

Ничто,

ничто,

ничто...

Раз только — и всё!

Б. У. Кашкин

(Из книги «Раз только!»

Свердловск, 1986)

Б. У. Кашкина в Екатеринбурге знают многие: кто-то по досочкам с яркими рисунками словно детской рукой и миротворческими надписями вроде такой: «Если изъять всё спиртное на свете, станут ещё полноценнее дети» (вариант: «станут тогда ещё радостней дети»), по росписи на гаражах и мусорных контейнерах; кто-то лишь как легенду сказового Свердловска, персонажа, которому посвящён музей в Уральском университете. Понятное дело, с Б. У. Кашкиным были хорошо знакомы свердловские-екатеринбургские художники. Но иногда встречались с ним

совсем не художники, а самые обычные люди. Даже те, кто, казалось бы, не мог с Б. У. Кашкиным встретиться: пути их никоим образом не сходились, не пересекались. Так однажды узнала его я.

Было это летом 1998 года, когда один художник — он ходил босиком, крестился на храмы, фотографировал небо и детей и любил поговорить о стихах — знакомил меня с городом, где я жила уже 8 лет, не различая его черт. Этот художник и рассказал мне, что живёт в Екатеринбурге старик Букашкин, расписывает картинками и стихами с группой молодых людей гаражи и помойки, чтобы было красиво. Мой спутник повёл меня по закоулкам, там — в зарослях, во дворах — прятались эти своеобразные объекты искусства. Красоты, на мой взгляд, в них было на грош, но желание повлиять на мир, безусловно, прочитывалось. А вскоре после экскурсии мы стояли у дома на Толмачёва, 7. Во дворе сидел Букашкин: на голове синяя вязаная шапка, одет в какой-то ватник или вроде того (на улице — жара), лицо узкое, коричневое, обрамлённое густой бородой. Глаза, мне показалось, недовольные; не сердитые, но

как у волшебника, которому помешали готовить эликсир. И правильно — сидел он, созерцал мир, может быть, придумывал очередную надпись на заржавленном гараже, замышлял очередное миротворческое дело, а мы ворвались и разрушили гармонию момента. Навязанное знакомство вышло неловким, да и ненужным. Так мы и разошлись, оставшись каждый со своим: Б. У. Кашкин — с миром, который он преображал, я — с мифом о Б. У. Кашкине.

И вот через 17 лет мне в руки попадает книга «Б. У. Кашкин: Жизнь и творчество уральского панк-скомороха», и я с огромным удовольствием читаю её, рассматриваю, вспоминая несостоявшееся «живое» знакомство и то, что рассказывал мне мой тогдашний спутник. Миф не развеян, а, напротив, утверждён текстами, иллюстрациями работ Б. У. Кашкина, фотографиями, зафиксировавшими моменты акций в сквере возле ЦУМа и другие моменты.

Евгений Малахин, когда-то резко поменявший свой внешний образ, имя, стиль жизни, отказавшись от «обычного» существования и профессии инженера в пользу абсолютно свободного творчества — перестал в

тот момент быть, зато родился новый — уже не человек, но персонаж: Б.У. Кашкин. В большом томе, собранном Александром Шабуровым, мы найдём штрихи биографии Евгения Малахина, но главное внимание отдано старику Б.У. Кашкину, «панк-скомороху», который сеял доброе-вечное, народному дворнику, который превращал отбросы в добросы, украшал уродливое и помойку провозгласил музеем, садовнику, который выращивал вместо роз «чайные» клумбы (использованные чайные пакетики развешивал на живых ветках), художнику Б.У. Кашкину, который «не умел рисовать», *a great Russian poet'y*, который «писал плохие стихи», — тому, который преобразил городское пространство через сотворённую им самим мифологию.

Но книга «Б.У. Кашкин» — это не рассказ о «забавном человеке». Сам художник, Александр Шабуров видит свою задачу в том, чтобы вписать Б.У. Кашкина ещё и в контекст авангардного искусства, хотя в любых рамках Б.У. Кашкину неспокойно. Шабуров пишет об этом так: «Сказ о свердловских авангардистах начнём, понятно, с Б.У. Кашкина. И тут же на поверхность вылезает целая охапка методологических проблем. “Абстракционистом”, “концептуалистом” и “перформансистом” мы обозвали Б.У. Кашкина, сильно упростили. Описать то, чем он

занимался, довольно сложно». Кроме того, Шабуров не заблуждается — и нам не позволяет — насчёт масштаба фигуры Б.У. Кашкина, её значимости в контексте «“истории мирового” или хотя бы “московского искусства”». Б.У. Кашкин — фигура свердловского, екатеринбургского фольклора. И это не плохо и не хорошо. Шабуров говорит: нужно «культивировать и архивировать свою местечковую “историю искусств”. Нести свою культуру в массы», что он сам и сделал, выступив автором-составителем книги, собран здесь воспоминания друзей и соратников Б.У. Кашкина, большое количество документальных снимков, фотоиллюстраций художнических работ Б.У. Кашкина, тексты его самодельных машинописных книжечек.

Предваряющая книгу статья Александра Шабурова «О том, кто такой Б.У. Кашкин» написана словно бы в продолжение традиции «из уст в уста» и с большой долей доброй иронии. Вот, к примеру, такой пассаж:

«Когда разрисованных ими досок скопилось в избытке, посыпались приглашения на первые “левые” выставки, где, как правило, просили и стихи почитать.

Глотка, отвыкшая голосить в годы отсутствия “гласности”, заставила прибегнуть к простейшему музыкальному сопровождению — и вскоре вокруг Б.У. Кашкина скопилась мо-

гучая кучка любителей ка-кофонии.

<...>

Дарились картинки так.

Кашкин принимался распевать соответствующий досочке хоровод (который подхватывали все «картинники» у него за спиной), сопровождая свой козлетон игрой на балалайке и тубе...»

Но, по завету Б.У. Кашкина о том, что *теория разбивания яиц должна сопровождаться рецептом их склеивания*, в конце книги дана большая статья профессора Уральского университета Валентина Владимировича Блажеса (увы, ныне покойного), который как раз возражает против шабуровского мифа о Б.У. Кашкине и говорит о том, что «общественное высказывание [Евгения Малахина] — это акт творчества и жизни». Филолог, фольклорист В.В. Блажес скрупулёзно исследует этот акт творчества, рассматривает стихи Б.У. Кашкина в литературоведческом аспекте, обращается к одному из важнейших источников для русской поэзии — Библии, показывая, как развиваются христианские идеи Е. Малахина, как воплощаются в категориях-образах бытийности впоследствии К. Кашкиным /Б.У. Кашкиным; не обходит вниманием аллюзии (называются Маяковский, Евтушенко, Гоголь, Достоевский, конечно, русский фольклор). Кроме того, В.В. Блажес делает важное замечание о том, что поведе-

ние и образ жизни, к которому приходит Е. М. Малахин, сродни не скоморошеству («от панка в нём ничего не было, как и от скомороха»), но балагурству, позволявшему высказывать всё, что он хотел.

Кроме статьи В. В. Блажеса безусловную ценность книги составляет библиография: сочинения Е. Малахина — Б. У. Кашкина и публикации о нём. Таким образом, перед нами внушительный труд, не просто творческая биография, но важные страницы летописи авангардного искусства Свердловска-Ека-

теринбурга. Множество имён, названных вскользь и повторяющихся часто, упоминания различных творческих акций составляют картину художнического сообщества конца 1970-х — начала 2000-х и его влияния на культурную атмосферу города.

И нет ничего удивительного в том, что издателем книги о Б. У. Кашкине выступил Уральский филиал Государственного центра современного искусства, который сегодня в значительной степени влияет на облик культурного Урала и в особенности Екатеринбурга, со-

бирает вокруг себя и своих проектов множество современных художников. В большой степени именно благодаря Уральскому филиалу ГЦСИ Екатеринбург и Урал представлены в международном культурном сообществе и притягивают, вдохновляют иностранных художников.

Книга получилась не только интересной в части материала, но к тому же красивой, её приятно листать. И, ясно дело, ею можно и нужно хвастать перед гостями Екатеринбурга.

Антонина Кузьмина